

УДК 101.1

КРИЗИС КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОСТМОДЕРНИСТКОГО СОЦИУМА

© 2015 г. М. В. Рендл

*Южно-Российский государственный политехнический университет
(Новочеркасский политехнический институт)*

Феномен перманентного кризиса, ставшего знаковым симптомом современного социума, заставляет ученых искать новые объяснительные модели социальной эволюции с точки зрения нестабильности, экономической неустойчивости и мировоззренческой фрагментарности. Вместе с тем, кризис является отличительной чертой постмодерна как социокультурного явления. В данной статье представляется актуальным рассмотреть философские основания кризиса в современном обществе сквозь призму постмодернистской методологии.

Ключевые слова: социальный кризис; современное общество; парадигма постмодерна; социальный хаос.

The permanent crisis as a phenomena, that has become a symbolic symptom of modern society, forces scientists to look for new explanatory models of social evolution in terms of economic instability and ideological fragmentation. The crisis has also a characteristic feature of the postmodern as a sociocultural situation. The article makes a try to consider the philosophical foundations of the crisis in modern society through the prism of postmodern methodology.

Key words: social crisis; modern society; the paradigm of postmodern social chaos.

Вторая половина XX столетия смело может быть названа эпохой кризисов. Термин «кризис» практически не сходит с уст экономистов, журналистов, философов, социологов, знаменуя принципиальные социальные трансформации, затронувшие все сферы общественной жизни. Под описание кризиса попадает практически все: новые стратегии, предлагаемые ведущими современными теоретиками в области экономики, по большей части носят название антикризисных. Политические программы, используемые общественными деятелями, ориентированы на поиск все более утопичной, в свете неоднозначной геополитической ситуации, точки стабильности. Темы выхода из мировоззренческого тупика, возвращения устойчивой этической шкалы ценностей, реабилитации классических канонов в сфере эстетики давно уже стали крайне популярными, если не сказать

банальными, беспрестанно эксплуатируемыми не только в среде культурологов и философов, но и массовой культуре посредством СМИ, многочисленных шоу, телевизионных дискуссий. Практически вся современная реальность, начиная с середины прошлого века, буквально окутана атмосферой ожидания кризиса и подготовкой к нему, сопряженной с поиском путей избежания проблемных ситуаций. Индивид больше не состоит в ментальной оппозиции к кризису, — как раз наоборот, современный человек, как никогда в истории, погружен в кризисное состояние, морально готов к нему, полностью интегрирован в нарастающие темпы социальной динамики, в свете которых частота амплитуды чередования хаоса и относительного социального порядка только растет.

Интересен тот факт, что формирование кризисного мировоззрения плотно увязыва-

ется со становлением постмодерна. Постмодернистский взгляд на действительность предполагает внутреннюю погруженность в хаос, проявлением которого становятся, на социальном уровне, периоды тотальной нестабильности. В повседневности это хорошо прослеживается на фоне статистики, охватывающей показатели кризиса в семье, равно как и в механизмах образования, в структурах здравоохранения. Поэтому, вопрос о специфике кризисного общества в целом является необычайно актуальным для современных ученых, и, вместе с тем, полностью открытым, не получившим однозначного решения.

В конце 1960-х г. XX в. в обществе необычайно ярко проявились черты, ознаменовавшие наступление постмодерна. Эти симптомы, одним из которых является описанный Ж. Бодрийером [1] примат потребления над производством и переход потребления в метафизическую сферу, вызвали волну этической, философской, научной эклектики, окончательно поставившей точку в процессе разрушения классического взгляда на универсум как упорядоченное целое. Принципиально новый тип социума характеризовался весьма значительным смещением вектора построения экономических моделей. Вдруг выяснилось, что экономика из фундаментального общественного базиса переместилась в область, отчасти подконтрольную сфере коммуникаций. Коммуникация (или же, в более широком смысле, информация как таковая) создает пространство для знакового обмена, не привязанное более ни к социальным стратам, ни к свойственной тем или иным классам общества ценностным единицам. Значимость материального производства планомерно падает. Ни собственность, ни конкретное количество материального эквивалента денежных ресурсов больше не являются причиной для причисления индивида к конкретному социальному классу. Более того, понятие класса становится крайне размытым, а социальная дифференциация обретает фрагментированные черты, проходя по линии обладания виртуальными, информационными ресурсами.

Формируется понятие общества потребления, идейно контрастирующего с обществом производства эпохи модерн. Идея соотношения материальных затрат и полученных результатов окончательно мутирует, прини-

мая самые неожиданные формы. В сфере информационных технологий результат зачастую зависит только от интеллектуальных способностей производителя того или иного продукта, вне места его нахождения и величины вложений. Постмодернистское общество более компактно с точки зрения темпов экономики, ставших в большинстве развитых стран умеренными по сравнению со временем расцвета модерн. Затратное производство новых вещей, характерное для начала капиталистической экономики, сменилось абсолютно виртуальной шкалой оценки товара, основанной на потребительной, а не на реальной стоимости. Значение продукта в некоторых случаях полностью оторвано от самого означаемого, демонстрируя симуляционную природу ценообразования в неокapиталистическом социуме постмодерна. Компании, предлагающие на рынке товары и услуги, во многих случаях ориентированы на вложения в сферу рекламы, искусственного создания привлекательного и яркого образа продукта, а не на его действительно высокое качество или несомненную полезность использования.

Небывалая степень фрагментированности социума заставляет говорить об усиливающемся дисбалансе, ассоциируемом с распадом устойчивой регулятивной системы отношений между объектами и явлениями, свойственной обществу модерн. Системная организованность признается постмодерном абсолютно утопичным элементом универсума, не работающим в условиях перманентного кризиса. Различные структурные элементы социума также движутся в столь разных направлениях, что приведение их к единому знаменателю превращается в невозможную задачу.

Если эпоха модерн как проект характеризовалась стремлением к построению социума на основе тоталитарной идеологии, то постмодерн априори дискурсивен. Данная дискурсивность также имеет, наравне с неограниченным веером для альтернативного выбора личностной поведенческой стратегии индивидом, массу существенных с точки зрения социальной устойчивости минусов, к одним из которых можно отнести усиливающуюся маргинализацию социальных групп, угрожающую, при определенных обстоятель-

ствах, всему зданию общественного порядка. Что именно и произошло, например, во Франции 1968 г. в связи с событиями, именуемыми «Красным маем», когда многочисленные группы студентов и рабочих за несколько дней практически парализовали всю общественную жизнедеятельность, подорвали политическую незыблемость правящего режима, не имея к этому, по существу, никаких однозначных экономических предпосылок кроме ряда крайне иррациональных с точки зрения классической мировоззренческой парадигмы требований. Данное событие ознаменовало собой окончательный кризис модерна, который плавно перешел в ситуацию перманентного кризиса различных социальных институтов в обществе постмодерна. Постмодернистский социум определяется сквозь призму распада структур, детерминирующих в пространстве модерна становление личностной и социальной идентичности. На социальном уровне обнажается бессмысленный характер бунтов против традиционной культуры, устойчивых ценностных координат, что, однако, несомненно вызвано гегемонией западных ориентиров, так называемой вестернизацией. Различные уличные беспорядки, сотрясающие мир в последние десятилетия демонстрируют смещение устоявшейся веками культурной иерархии, а, по сути, и начало тотального разрушения всей европейской культуры. Эта тенденция неуклонно растет, делая, в перспективе не столь отдаленного будущего, достаточно реальным казавшийся в XX в. фантастическим сюжет «схватки цивилизаций» на фоне культурных противоречий.

Таким образом, современный постмодернистский социум крайне противоречив, погружен в перманентный экономический и культурный кризис, обострение которого сменяется все более коротким в рамках маятника истории периодом относительной стабильности, который, однако, только способствует пролиферации разноплановых дискурсов, их столкновению и перерождению в контексте мультикультурного вектора развития универсума. Как отмечает М. Н. Липовецкий, «постмодернистская целостность постоянно балансирует между соблазном универсальной культурной телеологии, некоего метаязыка, способного подчинить себе хаос

многообразных культурных языков, звучащих одновременно, с одной стороны; и упоением хаосом как высшей манифестацией свободы от каких бы то ни было культурных или онтологических рамок и ограничений, с другой стороны» [2, с. 43]. Безусловно, постмодернистская ситуация обладает особой сложностью, частично затрудняющей возможность дать событиям адекватную оценку. Однако, налицо факт попытки преодоления бинарной дихотомии между хаосом и порядком, снятия внутренней оппозиции данных понятий посредством творческого импульса, что очень характерно показано на примере искусства советского и западного авангарда, послужившего предтечей постмодернистского мышления. Парадоксальность постмодернистского социума, а, точнее, его неоднозначность и полиструктурность также проявляются и в многообразии различных оценок, от восхищения необычайно широкими возможностями для личностной реализации до пессимизма по поводу инфляции метанарративов, во многом послужившей становлению кризисного мировоззрения индивида.

Фрагментарность, неустойчивость, социальный дисбаланс, ощущение надвигающегося кризиса, ощущение упадка этических и эстетических эталонов — данные характеристики общества эпохи постмодерн не миновали и российское социокультурное пространство.

Специфика российского социума, связанная с географическими, культурными, ментальными различиями, характеризуется крайне высокой степенью плюрализма координат, способных оказать влияние на вектор эволюционного развития общества. Многие историки, философы, социологи и культурологи делают акцент на мультинациональности, территориальной удаленности от запада, синдроме «культурного запаздывания» и прочих особенностях, определивших приоритеты в метафизическом измерении российской действительности. В экстраполяции к проблеме постмодерна в России стоит отметить особо важную особенность, состоящую в том, что отечественный постмодерн преимущественно представлен в виде не столько философских концепций, сколько художественных практик, литературных направлений или же художественных и архитектурных арте-

фактов. Исходя из данных свойств, некоторые исследователи предлагают говорить не о российском постмодерне, а о российском постмодернизме. Не имея каких-либо четких, «официальных» категориальных различий, данные понятия по обыкновению разделяются следующим образом. Под постмодерном терминологически понимается эпоха, под постмодернизмом — явление, направление, имеющее преимущественно художественную специфику. Что не отменяет значимости российского постмодернизма в мировом социокультурном пространстве современности: арт-практика, безусловно, один из самых важных индикаторов текущей социальной ситуации, если не самый важный. Это и нашло свое воплощение в специфике российской культуры. Сам же постмодернизм, как уже было сказано, не является однозначным явлением. Один из самых известных на Западе отечественных ученых в области культуры, М. Н. Эпштейн, дает весьма неординарную «периодизацию». По его мнению, «следует различать между «постмодерностью», большой, многовековой эпохой, следующей после Нового времени, — и «постмодернизмом», первым периодом постмодерности, который следует за модернизмом, последним периодом Нового времени. ... Постмодерность, как эпохальное явление, не только не завершается постмодернизмом, но в какой-то мере может и предшествовать ему» [3, с. 9]. Данная точка зрения также имеет в основе различие между постмодерном как парадигмой и постмодерностью как конкретной, в отношении российской действительности, социокультурной формации. Возможность появления постмодернизма раньше самого постмодерна рассматривается М. Н. Эпштейном как особое свойство российской культуры, существенно выделяющее ее на фоне развития западной цивилизации. Насколько это является важным, можно увидеть на примере модерна и модерности, широко исследуемой этим же ученым. Если модерность, занимающая почти 5 веков, анализируется в контексте эпохального периода мировой культуры, то модернизм длится не более нескольких десятков лет, выступая завершающим модерн катализатором социальных противоречий, что и приводит, в итоге, к распаду данной формы культурной иден-

тичности. Развитие модерна произвело на свет химеру, которая наиболее явно раскрылась в противоречивости модернизма, выведшего в эпицентр интеллектуальной жизни темы и образы хаоса, бессознательного, нестабильности социальной жизни, что в итоге разрушило иллюзию прочности универсума как незыблемого конструкта, подчиняющегося человекообразным рациональным закономерностям. По аналогии можно сказать, что период отечественного постмодернизма определяется как «относительно столь же краткий, занимающий жизнь одного—двух поколений, как и модернизм. Возможно даже, что постмодернизм, как всякое реактивное культурное образование, еще более ограничен во времени, чем то первичное явление, от которого он отталкивается и на смену которому приходит. Ведь постмодернизм уже приходит на «готовое», находит заданными те модернистские проблемы и противоречия, которые он призван разрешить» [3, с. 296]. Ситуация по поводу того, является ли российский постмодернизм более ранним явлением, чем вся парадигма постмодерна, и состоялся ли вообще постмодерн в России, достаточно спорная. В частности, М. Н. Липовецкий говорит о становлении постмодерна исключительно как комплексного явления, включающего в себя множество факторов, в том числе и художественную компоненту, которая не может быть проявлена обособленно от остальных фрагментов. Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к советскому прошлому, которое во многом (если не во всех случаях) детерминировало переход от модерна к постмодерну. Действительно, географические особенности России позволили говорить об абсолютно своеобразных проявлениях и модерна, и постмодерна, во многом не характерных для западных стран. Есть и, безусловно, качественно общие черты российского и западного социума, позволяющие выстраивать парадигмальные параллели. Однако, именно в России советского периода данный «кризис» приобретает черты перманентной, устойчивой идеологии, продуцирующей мировоззренческий и интеллектуальный вакуум на несколько десятков лет. Вместе с тем, в это же время наблюдались и кризисные симптомы в отношении

социальной эпистемологии, связанные с потерей статуса фундаментальности основных категорий социального познания, что привело, впоследствии, к полной дестабилизации данной дисциплины в период перестройки. Правда, стоит отметить, что, к счастью, на сегодняшний день отечественная социальная эпистемология полностью меняет вектор направленности, становясь все более актуальным направлением в современной науке.

Возвращаясь к социальному кризису, свойственному эпохе постмодерн, стоит отметить мировоззренческий парадокс, состоящий, с одной стороны, во вполне закономерном чувстве тревоги, утраты ощущения стабильности, деформации личностной идентификации, и, с другой стороны, наличием несомненного шанса посмотреть на эту ситуацию сквозь призму иного, выходящего за границы обыденного, познания. То, что представляется как патологический хаос, начинает обретать скрытую логику. Если такая позиция находила свое отражение в философии и науки Запада еще полвека назад, то на территории советского пространства это входило в идеологический диссонанс, и воплощалось посредством литературных и художественных форм. Однако данные формы не являлись в полной мере самостоятельным индикатором постмодерна: основные изменения касались экономической среды, но, как и было сказано вышеупомянутым М. Н. Эпштейном, они произошли с существенным (тридцатилетним) запозданием.

В отношении России постмодернистская экономика окончательно продемонстрировала факт присутствия хаоса не только как культурной метафоры или метафизического образа, а как реального социоэкономического понятия. Сама экономическая теория оказалась также в ситуации кризиса, не предлагая по сути никакого действенного механизма для регулирования маятника нестабильности в обществе. Безусловно, отказ от тоталитарного контроля социальной и экономической ситуации был крайне болезнен. Возникло множество профанных псевдонаучных теорий, основанных на плюрализме социального пространства, но интерпретируемых данный плюрализм крайне поверхностно. Эпистемный подход распространился из историко-философской плоскости в сферу экономики,

что окончательно расшатало присущий науке дисциплинарный универсализм, не предлагая, опять же, практически ничего взамен. Экономические модели хаотично сменяли одна другую, что, скорее, окончательно дискредитировало основную функцию научного знания — эпистемологическую, чем показывало пример успешного решения проблем.

Такая черта постмодернистского мировоззрения, как ризомность, отчетливо проявила себя в виде поверхностности постмодернистской экономики, охватывающей фрагментарные элементы социальной системы в ущерб формированию холистической совокупности упорядоченных элементов, как это было в период модерна. В социальную и экономическую теорию проникает игровой элемент, заставляющий рассматривать исследуемые объекты с точки зрения из потенциальной изменчивости, смысловой и конструктивной поверхностности. В целом, данный симбиоз различных методологических и когнитивных практик свойственен для всего пространства эпохи постмодерн, определяемое как междисциплинарное. Наука все более становится мозаикой, составленной из мультифрагментов отдельных частей художественного, социального, философского и собственно научного знания. В социокультурном отношении такая междисциплинарность представлена в виде либерализма, соседствующего с релятивистским взглядом на процессы действительности. Реальные общественные связи теряют свою фундаментальную значимость, превращаясь также в игровое, «легкое» сочетание, которое можно сколько угодно варьировать по тому или иному образцу. Это продуцирует пролиферацию различных инструментальных дискурсов, эволюционирующих на основе конкурентной борьбы друг другом. Социальная этика также частично утрачивает свои координирующие функции, превращаясь в эпистемный проект, меняющийся или же полностью исчезающий вместе с конкретной эпистемой.

Отношение к данной ситуации крайне варьируется. Безусловно, очевидный релятивизм постмодернистской ситуации не может вызывать безграничные симпатии у консервативно настроенных ученых. Однако, борьба с постмодерном вряд ли должна принимать радикальный характер. Постмодерн, выз-

ванный социальными изменениями XX в., в частности, переходом к неокapиталистической постиндустриальной экономической реальности, просто не может быть остановлен теоретическими средствами. Поэтому, представляется актуальным принятие изменчивой и полиструктурной социальной реальности, с условием работы над относительно устойчивой этической программой, без которой любые экономические или же политические теории вряд ли смогут претендовать на подлинную толерантность и либеральность.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. — М.: Добросвет, Издательство КДУ, 2011. — 392 с.
2. Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 1997. — 317 с.
3. Эпштейн М. Н. Постмодерн в России. Литература и теория. — М.: Издание Р. Элинина, 2000. — 368 с.

Поступила в редакцию

10 апреля 2015 г.

Марина Валерьевна Рендл — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права Южно-Российского Государственного политехнического университета (НПИ) им. М. И. Платова.

Marina Valeryevna Rendl — Ph.D., Candidate of Philosophy, docent of the Philosophy and Law department of the South-Russian State Polytechnical University (NPI) of M. I. Platov name.

346428, Ростовская обл., г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 8635 25 54 27; e-mail: aspera-86@mail.ru